своеобразной "раскольничьей" эсхатологии; исторические легенды; особенности богослужения, таинств, обрядов; этические и обрядовые особенности повседневной жизни; представления о животных; духовные стихи, апокрифические молитвы. В приложении к сборнику опубликованы очерки Л.К. Новиковой о православной рассказчице Марии Степановне, сообщившей много данных о старообрядческой культуре, а также предания о "душиловой вере" (о насильственном умерщвлении "зажившихся" стариков и безнадежных больных). Имеется и краткая историческая справка о старообрядческих согласиях в Нижегородской обл.

Главное достоинство рецензируемой книги заключено в огромном объеме и скрупулезности проделанной научно-технической работы. Перед читателем – подлинно научная публикация фольклорно-этнографических текстов с указанием места записи и данных об информаторах. Записи снабжены необходимым комментарием и примечаниями. Единственный недостаток – это отсутствие указателя сюжетов: он, однако, объясняется чисто техническими причинами, а вовсе не небрежностью составителей.

Публикации текстов предшествует содержательное "Предисловие" О.А. Савельевой. Оно позволяет составить представление о степени изученности истории старообрядчества в наши дни, а также вводит читателя в курс дела в связи с историей создания данного сборника. Не пытаясь претендовать на исчерпывающее описание картины мира старообрядчества Нижегородской обл., составители сборника выражают надежду, что данная публикация – лишь начало большой работы по изучению одного из многочисленных направлений неортодоксального православия, к сторонникам которого принадлежит постепенно исчезающий слой российского населения. Тем, кто посвятит себя благородному делу сохранения духовного наследия россиян, предстоит еще провести серьезную текстологическую работу по сопоставлению этнофольклорных материалов старообрядцев с творчеством представителей других конфессий, компактно проживающих вместе со староверами в одной местности, в том числе и с исповедующими православие в его традиционном варианте. Одна из первоочередных задач реконструкции народно-бытового православия в прошлом и настоящем – сравнение старообрядческих записей с обыденными (не духовными) текстами крестьянского творчества, которое поможет выявить степень воздействия старообрядческого миропонимания на представления нестарообрядцев, равно как изменения в самом старообрядческом мироощущении под влиянием иных идеологических воздействий. Я имею в виду проникновение в старообрядческий быт технических достижений современности, повлиявших на изменение миросозерцания приверженцев старой веры. В качестве насущной задачи изучения устной традиции старообрядчества составители правильно указывают на необходимость создания словаря основных концептов старообрядческой культуры. Пока в этом вопросе царит разнобой, и взаимная договоренность в толковании многих спорных проблем и понятий представляется сверхактуальной.

Присоединяясь к этим пожеланиям составителей и высоко оценивая проделанную ими работу, можно поздравить этнографов с выходом в свет интересной и нужной книги. При таком мизерном тираже (всего 300 экз.) настоятельно требуется сделать все возможное, чтобы самоотверженный труд нижегородских этнографов не остался втуне, а стал достоянием всех, изучающих духовную культуру русского народа, и в первую очередь – этнографов и фольклористов.

Л.Н. Пушкарев

© ЭО, 2003 г., № 5

Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М., 2001. 321 с., ил.

В 1981 г. в структуре Института этнографии АН СССР был образован сектор этнической экологии. Его сотрудники самым похвальным образом отметили двадцатилетний юбилей своего подразделения, написав книгу очерков-воспоминаний о накопленном ими опыте полевой экспедиционной работы. Последняя, как известно, составляет важнейшую часть исследовательской деятельности этнографа, при этом каждая экспедиция, и это также хорошо известно, имеет свою специфику, определяемую как общими научными задачами долгосрочного проекта, так и конкретными целями данного выезда в поле, его продолжительностью, составом и количеством участников и т.д. Особенности экспедиционной работы, осуществленной в 1980–1990-х годах сотрудниками сектора этнической экологии, были связаны с изучением феномена долгожительства в Абхазии и Азербайджане, а также с исследованием эколого-культурной адаптации русских старожильческих групп в Азербайджане и в Армении. Описание экспедиционных выездов именно в эти регионы Закавказья и составили основное содержание очерков, представленных в рецензируемой книге.

Ее сюжетная канва многоаспектна. В библиографической классификации книгу можно описать по разделу «история науки», так как во многих очерках, особенно тех, автором которых является В.И. Козлов, рассказывается об интереснейшем исследовательском проекте по комплексному биолого-антропологическому и социально-этнографическому исследованию народов и этнических групп с повышенной

долей долгожителей. Начавшийся в конце 1970-х годов в рамках советско-американского научного сотрудничества, проект в дальнейшем был продолжен российской стороной, в основном сотрудниками сектора этнической экологии, которые не только не прекратили полевой работы в Закавказье, но расширили ее исследовательскую проблематику, включив в нее «старожильческую» тему. В целом разделы книги дают достаточно полное представление об этапах становления и реализации обоих исследовательских проектов, географии полевых экспедиций, научно-организационных и концептуально-методологических подходах, апробированных научным коллективом.

Книга является хорошим пособием по методике проведения этнографических экспедиций. В этом отношении советую обратить особое внимание на разделы, написанные А.Н. Ямсковым, который дает массу весьма дельных и полезных советов: подробно перечисляет, например, предметы экспедиционного оборудования, без которых в поле не обойтись, наставляет, как правильно («быстро, удобно и компактно») загрузить экспедиционную машину («чтобы в пути ничего не звякало и не бренчало»), предлагает варианты выходов из различного рода форс-мажорных обстоятельств, на которые щедра экспедиционная жизнь. Да и в других разделах книги можно почерпнуть немало интересного и поучительного, что позволяет взять на вооружение уже освоенный организационный опыт коллег. Для стороннего же читателя «Очерки» станут богатым источником информации о специфике этнографических экспедиций, об особенностях работы этнографа в поле, о том, как наша наука добывает и накапливает свой исследовательский материал.

Читатель найдет в книге и немало добротных этнографических описаний. Ведь главные впечатления, вынесенные авторами из многочисленных экспедиций, – это народ, среди которого довелось работать, его культура, быт и обычаи, традиции и нравы. Поэтому неудивительно, что никто не смог удержаться от того, чтобы не вставить в свой текст этнографические зарисовки: запомнившийся эпизод бытовой повседневности, описание осмотренных объектов материальной культуры, наблюдаемой ритуальной обрядности. В этом отношении очень ценны все материалы, касающиеся русских старожильческих групп в Закавказье – молокан и духоборов. Учитывая активную миграционную убыль, сложную демографическую ситуацию в этих группах, а также весьма сомнительные перспективы их этнокультурного развития в новых независимых государствах Закавказья, я думаю, что сведения «Очерков» – это последние по времени исследовательские наблюдения за этими своеобразными подразделениями русского этноса.

Однако основная задача состояла в том, чтобы запечатлеть не столько научные, сколько личные воспоминания о полевой работе в Закавказье, о днях, проведенных в экспедициях, о времени, которое, по словам А.Н. Ямскова, останется «непревзойденным "золотым веком" их полевых и антропологических работ». Авторы выполнили поставленную задачу с энтузиазмом. Чувствуется, как радостно им было писать, как легко и непринужденно складывалась мозаика воспоминаний, как казалось бы рядовые события экспедиционного быта по прошествии времени превращаются в памятное достояние индивидуального опыта и прожитой жизни. «Очерки» относятся к относительно новому в нашей литературе жанру этнографических воспоминаний, и знакомство с ними доставляет истинное удовольствие: можно соотнести с прочитанным собственный полевой опыт, сравнить «свою» и «чужую» конкретику узнаваемых эпизодов и коллизий, сопереживая авторам, вновь «испытать» трудности и радости экспедиционной жизни.

Так, авторы «Очерков» удивительно точно передают состояние радостного воодушевления, испытываемого во время удачно складывающейся экспедиции, знакомое любому этнографу неизбывное счастье от близкого соприкосновения с народной культурой, от осознания того, что ее «тайны» постепенно открываются пытливому и благожелательному взору. При этом «Очерки» дают занятные примеры, как происходит постепенное вхождения исследователя в атмосферу изучаемой культуры, в процессе которого порой бывает трудно отделить профессиональную беспристрастность от индивидуально-личностного восприятия наблюдаемых явлений. Т.В. Красникову, например, «многое удивляло» в Абхазии, в частности характерная для местного населения «стойкость памяти об умерших». Н.И. Григулевич, наблюдавшая в Азербайджане традиции уважительного и почтительного отношения к пожилым людям, признается, что «кроме благодарности и восхищения народами, выработавшими такие традиции», возникает и «чувство белой зависти». Г.А. Аксянова с юмором вспоминает свои первые впечатления от строгих этикетных правил кавказского застолья.

Вообще в книге много юмора. События и происшествия экспедиционной жизни, которые в свое время неожиданно прерывали спланированный ритм работ, доставляя немало хлопот и переживаний, ныне вспоминаются со смехом, как, может быть, самые яркие запомнившиеся эпизоды. Многие их них действительно очень комичны и вполне могут войти в число этнографических «баек», как, например, история перепуганной азербайджанской бабушки, решившей, что пытающие расспросами московские этнографы хотят забрать ее с собой в Россию. Иногда, как в следующем выразительном эпизоде, в роли комических героев выступают сами московские этнографы: так, переступив порог талышского дома, московский гость здоровается с хозяевами по-грузински. Другой не менее выразительный, хотя и более сомнительный эпизод: расположившись в доме местного жителя, мужская половина экспедиционного отряда пова-

дилась в подсобную пристройку, где хозяин хранил бутыли с вином; выходили они оттуда, как сообщает очевидец, «со смиренно опущенными глазами и улыбкой Джоконды на лицах».

В то же время работа в поле – нелегкий труд, связанный с немалыми сложностями, в том числе психологического плана. Именно этот аспект отразила Н.М. Лебедева, упомянув об ощущении «закрытости» и «враждебности» села, в котором предстоит начать работать. Не знаю, насколько в данном случае адекватны подобранные Надеждой Михайловной определения, но думаю, каждому этнографу знакомы чувство волнения и состояние психологической напряженности в первые дни пребывания на новом месте, среди новых людей и новых обстоятельств – в этом смысле наблюдения Н.М. Лебедевой точны и несомненны, хотя, возможно, и не имеют отношения к тому типу «этнографов», для которых пребывание в экспедициях лишь вынужденный, но рационализированный метод сбора материалов «по теме», а информаторы – «туземцы», с которыми за глаза можно по-хамски ощущать свое «столичное» превосходство.

Вероятно, степень первоначального психологического дискомфорта обратно пропорциональна знакомству этнографа с местной культурой, традиционным бытом, ментальностью, поэтому хотя бы элементарные знания желательно приобрести еще до первого выезда в поле, а уж тем более, работая в экспедиции, необходимо постоянно находиться в состоянии «губки», впитывая разнообразную информацию, которая может поступать из самых разных источников. Меня удивила ситуация, описанная одним из авторов: в абхазском селе, где собирали материал члены одного из «долгожительских» отрядов, работала группа абхазских этнографов, однако, как замечает автор, «реально общались мы довольно редко». Но разве в данной ситуации общение с коллегами-абхазоведами было бы лишним? Тем не менее человеческий и профессиональный контакт не состоялся. Почему? Интересная проблема для небольшого этнопсихологического исследования, между прочим.

«Очерки» заставляют задуматься еще об одной, я считаю, очень важной проблеме. Находясь в экспедиции, этнографы наблюдают и изучают местное население, но и «местные» столь же пристально и внимательно приглядываются и изучают пришельцев. «А мы часто и не догадывались, как они нас оценивают и воспринимают», – восклицает Н.М. Лебедева. Между тем по окончании экспедиции нам «оценки» выносятся всегда, но каково при этом будет «восприятие» – доброжелательно или гневное, уважительное или презрительное, пиететное или насмешливое – зависит в конечном счете только от нас.

Аксиомой звучит утверждение Ю.В. Ивановой о том, что «первое условие этнографической деятельности – искреннее, непоказное уважение к порядкам жизни исследуемой группы». Та же профессиональная заповедь этнографа четко выражена Н.А. Дубовой: «Мы не имеем права нарушать те традиции, которые имеют место быть в том сообществе, которое изучается». Безусловно, любой принимающий социум будет благодарен приезжим «ученым людям», если почувствует их уважительное отношение к принятым здесь бытовым обыкновениям. Однако работающий в поле этнограф должен помнить и о другом – попадая в инокультурную, в том числе иноэтническую среду, для окружающих он сам становится носителем информации, по которой будут судить о нем и его «группе» – социальной, культурной, профессиональной, наконец, этнической, и порой именно последняя ипостась выступает важнейшим элементом его идентификации в глазах местного населения, во всяком случае в том регионе, где работали авторы «Очерков» и их коллеги. Поэтому легкомыслие или «недоумие» заезжих гостей, их пренебрежение окружающими (Н.А. Дубова подметила это встречающееся у иных настроение: «больше в это село скорее всего никогда не приедем, чего считаться-то…»), любой поведенческий промах, вроде лазанья по чужим подвалам в поисках лишнего стакана вина – все будет замечено, обсуждено и «припечатано».

Вероятно, ни одно методическое пособие не сможет дать совет, как выходить из подобных и разного рода иных щекотливых и двусмысленных ситуаций. В таком случае единственным ориентиром по-прежнему остается личная ответственность этнографа, обладание им чувством собственного достоинства, этической чуткостью, профессиональными знаниями и культурой. Хорошо, что «Очерки этнографического быта в Закавказье» еще раз напоминают об этом нашему этнографическому сообществу.

Ю. Д. Анчабадзе

© ЭО, 2003 г., № 5

З.Б. Ц а л л а г о в а. Этнопедагогический диалог культур. Владикавказ, 2001. 246 с.

Краеугольным камнем многонационального, поликонфессионального государства являются единство и сплоченность всех наций и народностей, обеспечение культурно-образовательной ситуации, благоприятствующей гармоничному развитию и взаимодействию народов, религиозно-культурных и этнических общностей.